

Иранский фактор в конфликте России с Западом

Митрахович Станислав Павлович

Ассистент кафедры «Прикладная политология» Финансового университета при Правительстве РФ

E-mail: stasmitr@mail.ru

Российско-западный конфликт является многосоставным феноменом международных отношений, протекая одновременно на нескольких уровнях противоборства: политико-экономическом, политико-идеологическом, пропагандистском. В фокусе дискуссий при этом оказываются взаимные упреки по характеру политического устройства, уровню свободы и соблюдения прав человека в каждом из «лагерей», а также критические указания на ценностные аспекты экономического взаимодействия, в том числе в сфере энергетики. Подобный формат аргументации в пропаганде своей внешнеполитической позиции быстро приводит к двойным стандартам, когда реальность энергетической и трубопроводной политики оказывается в противоречии с идеологическими догмами о демократиях и автократиях как желательных и нежелательных партнеров для Запада.

Одним из наиболее ярких примеров подобных двойных стандартов оказывается западная политика в отношении Исламской Республики Иран (ИРИ). Интерес к Ирану, как к альтернативному России поставщику углеводородов, заставил США и ЕС активно изображать ИРИ как достойного и приемлемого партнера. В отношении подобного партнера допустимо и даже желательно снижать уровень публичной критики его внутреннего политического устройства, уровня свободы внутриполитической конкуренции, соблюдения прав человека, свободы частной жизни, свободной от жесткого идеологического или религиозного диктата. Аналогичным образом оказывается допустимым резкое снижение опасений по поводу внешней политики «исправившейся» страны, ее возможностей по созданию рисков для иных государств. Игнорируются риски распространения оружия массового поражения, причем Запад в этих условиях сознательно отказывается слушать позицию стран — соседей Ирана, включая Израиль и суннитские монархии Персидского залива, взгляд которых на «миролюбие» Тегерана иной, чем в Вашингтоне или в европейских столицах. Дополнительный довод «обеления» Ирана — необходимость противопоставить его в пропагандистском смысле России, не готовой идти на значительные уступки Западу в обмен на смягчение санкций.

Ключевые слова: автократия, российско-западный конфликт, Исламская Республика Иран, энергетическая политика, российско-иранские отношения, трубопроводная политика.

Iranian Factor in the Russia – West Conflict

Mitrakhovich Stanislav Pavlovich

Assistant Lecturer, Applied Political Science Department, Financial University under Government of the Russian Federation

E-mail: stasmitr@mail.ru

The Russian-West conflict is a multicomponent phenomenon of the international relations, proceeding at the same time at several levels of the politico-economical and politico-ideological propaganda antagonism. In focus thus there are discussions and mutual reproaches on the character of a political system, level of freedom and observance of human rights in each of «camps», and also critical indications on value-conscious aspects of economic interaction, including in the sphere of energy. The similar format of the argument and promotion of the foreign policy position very quickly leads to double standards when the reality of power and pipeline politics appears to be in contradiction to the ideological dogmas about democracies and the autocracies as desirable and undesirable partners for the West.

The western policy towards the Islamic Republic of Iran (IRI) appears one of the most striking examples of such double standards. Interest in Iran as the supplier of hydrocarbons (that is alternative to Russia) forced the USA and the EU actively to draw IRI as the worthy and acceptable partner. Concerning such a partner it is admissible and even it is desirable to reduce the level of public criticism concerning its internal political system, level of freedom of the internal political competition, observance of human rights, freedoms of private life, freedom from rigid ideological or religious dictate. Similarly it is admissible to accept a sharp decrease in

fears concerning foreign policy of the «improved» («reformed») country, even about its opportunities for creation of risks for other states. Proliferation risks for the weapons of mass destruction are ignored, and the West in these conditions consciously refuses to listen to a position of the Iran's neighboring countries, including Israel and Sunni monarchies of the Persian Gulf, which view of «peacefulness» of Tehran absolutely differ from that in Washington or in the European capitals. Additional argument of «whitewash» of Iran comes with the need to oppose this case in a propaganda sense to the case with Russia — this country is not ready to make significant concessions to the West in exchange for easing of sanctions.

Keywords: autocracy, Russia-West conflict, Iran, energy politics, Russia-Iran relations, pipeline politics.

Украинский кризис, начавшийся в 2014 г., и последовавший за ним обвал отношений России с Западом спровоцировал не только технологические вопросы о том, как больно каждая из сторон может ударить друг друга и какие политические изменения можно вызвать экономическими санкциями и другими формами давления. Весьма интересна и динамика концептуального обоснования обращения Запада к новым партнерам или даже союзникам, которые, как стало принято считать в западном политическом и экспертном мейнстриме, должны заменить Россию в качестве значимого для многих стран Европы экономического (в первую очередь — энергетического) партнера.

С одной стороны, никто формально не отказывается от использования традиционно негативистской связи между масштабной добычей углеводородов и «недостатками» политического режима. Из концепций «ресурсного проклятия», «petrostate» и т.п. исключаются лишь страны Запада, вроде США, Канады, Норвегии, Австралии, под тем предлогом, что в этих государствах качественные политические и экономические институты были созданы до того, как их экономики стали зависеть от торговли нефтью. В итоге, если для Запада от углеводородов максимум угрозы — это «голландская болезнь», то для западных государств добыча нефти и газа — это путь к закреплению и консолидации авторитаризма (авторитаризма)¹.

Анализ релевантности концепций ресурсного проклятия не является целью данной статьи. Обратим внимание на следующий парадокс, не слишком смущающий западных политиков и прозападные медиа: для оказания давления на Россию внешнеполитическую ставку Западу приходится делать как раз на ресурсно-богатые государства, которые еще недавно было модно критиковать за авторитаризм и нарушение прав человека. Приходится срочно рисовать в качестве демократий (или стран, приемлемых для сотрудничества с демократиями) весьма

своеобразные государства вроде Туркмении или религиозных монархий Персидского залива (особенно Катар, с его газовыми запасами). Это выглядит еще менее убедительным, чем более давний тренд на позитивное изображение в западной литературе постсоветских Азербайджана и Казахстана — как минимум со времен их вовлечения в проекты трубопроводов Баку-Тбилиси-Джейхан и Баку-Тбилиси-Эрзерум, идущих с каспийского региона в Европу. От этих «правильных» стран в западной литературе о нефтяном факторе в политике принято ожидать лояльного поведения и «либеральных рыночных стратегий» [1]. Несмотря на отдельные скептические замечания со стороны ОБСЕ и ее специализированных структур, вроде БДИПЧ, к электоральным процедурам в данных странах, никогда дело не доходило до многомесячных медийных компаний на тему «опасных диктатур в Баку и Астане, у которых нельзя покупать газ».

Самая новейшая и актуальная к 2016 г. западная попытка «найти демократию и права человека у страны — альтернативного поставщика углеводородов» касается Ирана. Уже в 2013–2014 гг. была активно начата медийная, а затем и дипломатическая подготовка к снятию санкций (введенных как Совбезом ООН, так и западными странами) с ИРИ. Иран стали рисовать как страну, вставшую на путь демократизации и либерализации. В качестве доказательства приводили факт прихода в кресло президента умеренного — по местным меркам — политика Хасана Рухани, а также якобы готовность Тегерана встать на путь отказа от создания атомного оружия. Сам технический процесс снятия западных санкций, включающий отмену нефтяного эмбарго ЕС, заморозку счетов иранских юридических лиц в западных банках и возвращение иранских банков в систему SWIFT, начался в январе 2016 г.

Пусть даже многие соседи Ирана, включая Израиль и суннитские монархии, в отказ ИРИ от атомной бомбы не верят. Они полагают, что в иранской атомной

¹ См., напр.: Durnev, Art and Guriev, Sergei M. The Resource Curse: A Corporate Transparency Channel (October 2007). CEPR Discussion Paper No. DP6547. Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=1140074>

программе обязательно сохранится военная составляющая, т.е. ИРИ будет совершенствовать атомные технологии таким образом, чтобы при принятии политического решения бомба была бы изготовлена в считанные месяцы, если не недели. При этом иранские лидеры любят говорить, что «Израиль — это страна одной бомбы» [2, с. 359] (в том смысле, что одной бомбы хватит для ее уничтожения). Западное поведение в Израиле воспринимается как признательная расписка в том, что давление США и ЕС оказалось бесполезно и Иран атомную бомбу все равно получит, видимо, за готовность «спасти» Европу от России по газовому вопросу.

Что касается указаний на Рухани, то западные наблюдатели как будто забывают, что основные полномочия в иранской системе власти не у президента, а у неизбираемого напрямую населением религиозного лидера (не говоря уже об аспекте крайне сильного «религиозного фильтра» для всей политической жизни страны). Детали внутривластной динамики Ирана скрыты завесой секретности: никто не знает, чего захочет рахбар Хаменеи (находится у власти с 1989 г.) и кто станет его преемником. Если США при желании смогут переиграть свою иранскую политику, прибегнув к военному сценарию до порогового момента накопления ИРИ достаточного военного потенциала по ОМП (известная стратегия «окружения Ирана силами США с восточного и западного флангов» [3, с. 252] может быть реанимирована), то с ЕС ситуация обстоит иначе. Если США сами по себе или в рамках НАТО откажутся от военных действий против ИРИ, то самостоятельно потенциальный силовой кризис с Ираном ЕС разрешить не сможет; возможности ЕС здесь минимальны. Хотя чисто из-за географии этот вопрос важнее как раз для ЕС, чем для США. Общая политика безопасности и обороны (ОПБО) Евросоюза просто не приспособлена к ответу на какие-то серьезные военные вызовы. Отсутствует даже постоянная оперативная штаб-квартира, которая обеспечивала бы непрерывное руководство военной политикой ЕС [4, с. 186]. Такие идеологические тренды современной Европы, как гедонизм, пацифизм и почти нулевая терпимость к собственным потерям (неизбежным в столкновении с серьезным противником) означают, что Европе останется лишь безоговорочно верить и надеяться, что ее сценарий и мечта о «навсегда замиренном» Иране обязательно реализуются.

В рамках все той же «миротворческой» логики в западных СМИ стал распространяться и тезис об Иране как стране, защищающей иностранные ин-

вестиции (на контрасте с прогнозами о том, что «в Россию никто инвестировать после присоединения Крыма не будет»). Вот пример характерного мнения в WSJ от 1 апреля 2015 г. со ссылкой на Юха Койонена, руководителя хельсинкского ConfidoCapital (под управлением около 200 млн долл.), с 2008 г. инвестировавшего в Иране десятки миллионов долларов. Как считает Койонен, защита инвесторов, в том числе иностранных, на иранском рынке не соответствует стандартам развитых стран, но значительно лучше, чем в других странах, где инвестирует Confido, включая Россию и Африку.

Особенно курс на обеление Ирана выглядит экстравагантно на фоне обвинений России в нарушении прав человека, в скептическом отношении к однополым бракам и однополую родительству и прочих признаках «нежелания идти в русле современных европейских ценностей». Получается, что к Ирану у Запада в плане подобных вопросов особых претензий нет. Хотя любому непредвзятому наблюдателю будет очевидно, что культурная дистанция между Европой и Россией куда меньше, чем между Европой и Ираном. Достаточно сравнить жизнь западного экспата, представителя дипломатической службы или коммерческой компании, в Москве и Тегеране. Жизнь в Москве, на самом деле, с точки зрения lifestyle будет не слишком отличаться от жизни в Лондоне, Милане или Берлине, а отличия с Тегераном — столицей теократической исламской республики — будут очевидны (взять хотя бы законодательство ИРИ о регулировании личной жизни). И даже если предположить либерализацию иранского политического режима в среднесрочной перспективе, убрать фактор ислама из правовых норм политики (увеличивающий дистанцию с Западом) вряд ли получится [5].

Строго говоря, Иран исторически (зadolго до украинского кризиса и масштабной демонизации России в политических сообществах стран Запада) рассматривался как альтернативный России поставщик газа. Знаменитый трубопроводный проект Nabucco изначально затевался именно под иранское «голубое топливо». Все нынешние инициированные Западом газопроводы, идущие в Европу через Турцию, фактически являются реинкарнациями Nabucco, своего рода «Nabucco-light». В качестве замены Ирана как поставщика газа в пост-набукковские газопроводы рисовались многие страны (Азербайджан, Туркмения, Египет, Ирак и отдельно Иракский Курдистан), но по совокупности причин достаточного объема газа не набиралось. Поэтому сегодня фактически единственным живым западным проектом

газопровода через Турцию является TANAP, с гарантированным уровнем поставок газа в ЕС не более 10 млрд кубов (из Азербайджана, причем не ранее начала 2020-х гг.).

Отметим дополнительные мотивы Вашингтона в розыгрыше иранской карты (помимо мотива убедить Европу в наличии для нее крупного альтернативного газового поставщика на ближайшие десятилетия). Некоторые из этих мотивов связаны с личными идеологическими мотивами «миротворчества» президента Б. Обамы, который, будучи левым либералом в американском смысле этого слова, хочет войти в историю как «примиритель» США с их давним врагом. Тем более что Обаме по итогам 2009 г. дали Нобелевскую премию мира, но многие расценили это как аванс — и замирение с Ираном вполне могло бы «тянуть» на его «отработку».

Усиливает мотивы Обамы и его вполне очевидная и плохо скрываема неприязнь к израильскому руководству во главе с Б. Нетаньяху (долгое время состоявшем в союзе с более жестко настроенным А. Либерманом). При этом в Израиле общим местом является уверенность относительно симпатий Обамы к исламу и как к религии, и как к специфической ценностной составляющей политической идеологии.

В команде Обамы есть и фигуры, напрямую связанные с иранским лобби в его эмигрантском варианте. Это госсекретарь Дж. Керри с его зятем-иранцем, представителем той эмигрантской элиты, для которой сейчас актуальнее попытаться вернуться во власть не на штыках американской армии (что трудно и рискованно), а путем инфильтрации в иранский режим при его хотя бы частичном развороте в сторону Запада.

Заметим, что в США давно звучали призывы улучшать отношения с Ираном (который при всех своих особенностях все-таки более современная страна, чем соседние монархии) и уходить от излишней зависимости от суннитских монархий (с их предельным и бесперспективным в историческом будущем теократическим традиционализмом). Некоторые американские авторы, писавшие о взаимосвязи ислама и энергетической политики, с симпатией к ИРИ указывали, что «исламская республика создала одно из наиболее светских обществ в регионе, особенно касательно молодежи» [6]. Особенно улучшение отношений с шиитским Ираном стало необходимым для Вашингтона при организации борьбы с «Исламским государством» и прочими суннитскими экстремистами в Ираке.

Для увеличения поставок иранских углеводородов на мировые рынки и в Европу в частности потре-

буется время. Иранский газ пока почти весь идет на внутреннее потребление (за исключением небольших поставок в Турцию), но темп наращивания добычи — это вопрос инвестиций и их политических стимулов. К 2020 г., по оценке ИНЭИ РАН, Иран может нарастить добычу со 160 млрд кубов до 215 млрд кубов. Но если ЕС решит к 2020 г. — времени анонсированного Россией прекращения украинского транзита — иметь альтернативу России, то уровень инвестиций можно резко увеличить. Мы имеем дело с политически мотивированными решениями, которые могут в любой момент сломать прогнозы, построенные на принципе экстраполяции текущих экономических тенденций в их «спокойном» варианте. То же касается и иранской нефти; по прогнозам, объемы, которые Иран может выбросить на рынки за несколько лет, варьируются от 0,6 до 1,5 млн баррелей в сутки. Уровень экспорта Ирана на январь 2016 г. — не более 1 млн баррелей в сутки. Иранские представители, нагнетая ожидания, ссылаются на возможности открытия не только запасов в танкерах, о которых знают западные наблюдатели, но и запасов хранилищ на суше, информация о которых засекречена.

Представим нашу оценку иранского газового потенциала. По итогам 2014 г. Иран добыл чуть более 200 млрд кубометров. Доля «Южного Парса», по оценкам ФНЭБ, около 65%, или 130 млрд кубометров. Иран добывает на нем около 400 млн кубометров в сутки (около 150 млрд кубометров в годовом эквиваленте). Власти ИРИ анонсировали планы нарастить добычу на своей части «Южного Парса» на 50–60% в течение ближайших 3 лет, т.е. речь идет о приросте еще на 70–80 млрд кубометров в год. Но Катар также отбирает с этого же месторождения (в Катаре оно называется «Северный купол», геологически это одна и та же структура), так что реально прирост добычи в Иране может быть меньше желаемого.

В Иране активно растет собственное потребление, которое «съедает» почти весь прирост добычи. За последние 5 лет добыча газа в Иране выросла более чем на 50 млрд кубометров. При этом чистый экспорт увеличился всего на 1,3 млрд кубометров. Более того, Ирану приходится обеспечивать свои северо-восточные территории за счет закупок газа у Туркмении.

Пока что единственным направлением экспорта иранского газа является Турция; она закупает до 10 млрд кубометров газа в год. Имеющаяся газопроводная инфраструктура дает возможность поставлять до 14 млрд кубометров, для ее расширения под по-

ставки в TANAP потребуются время и деньги. По оценкам ФНЭБ, на европейский рынок можно будет таким образом вывести до 15 млрд кубометров иранского газа к 2025 г. Если брать иные направления экспорта, то Иран пытается заключить газовые контракты со всеми соседями — Ираком и Сирией, Оманом, Пакистаном и Индией. В наиболее проработанной фазе находится проект поставок в Ирак, которому нужен газ для решения проблем с дефицитом производства электроэнергии. Из стратегических проектов экспорта более всего перспективен вариант поставок в Пакистан. По нему уже давно подписаны контракты (на 8 млрд кубометров в год) и полностью построена труба до границы на иранской территории².

В пользу новой иранской стратегии США де-факто играла и линия поведения России, которая традиционно представляла себя на мировой арене как адвоката Тегерана, обещая, в частности, блокировать наиболее жесткие резолюции Совбеза ООН против ИРИ. Американцы справедливо рассчитали, что российскому руководству и официальной пропаганде будет трудно сопротивляться снятию санкций с Ирана и вовлечению этой страны в активное взаимодействие, экономическое и политическое, с Западом — ведь Москва сама к этому призывала, осуждая попытки изоляции неугодных режимов.

Американская стратегия на иранском направлении хотя и сильная, но вовсе не абсолютно беспроблемная. Мало того, что нынешняя линия Вашингтона раздражает Израиль и саудитов, а внутри США стимулирует недовольство республиканцев и израильского лобби. Дело том, что внешне сделка выглядит как почти односторонний успех иранской дипломатии. Позиция ИРИ в итоге выглядит следующим образом: «вы сняли санкции в обмен на наши обещания, что делать бомбу не будем». При этом Тегеран не согласился вписать в документ о ядерной сделке тезис о признании Израиля как государства, имеющего право на существование.

Есть и еще одна проблема для Запада — новации в контригре России. Ведь снятие санкций (ооновских и западных) и новый имидж, новое восприятие Ирана на Западе дает аргументы России для поставок оружия в Иран. Раз уж это государство теперь самим Западом подается как надежный партнер и в сфере режима нераспространения, и в энергетическом бизнесе. Отсюда и, например, указ В.В. Путина про отмену запрета на поставку Ирану ЗРК С-300.

Решение Путина вызвало ожидаемую критику на Западе, но даже Госдеп был вынужден признать, что поставки данных вооружений санкцией ООН не нарушают. Иными словами, Москва не нарушит даже еще не отмененные санкции Совбеза. Тем более глупо будут выглядеть претензии, даже моральные, в случае снятия санкций. Здесь действия Москвы похожи на приемы восточных единоборств с попытками обратить предпринимаемые противником усилия против него самого. В данном случае речь идет о попытках Запада «обелить» Иран.

Контригра с поставками С-300 Ирану призвана в том числе провоцировать вопросы на Западе на тему «Так надежен ли Иран или нет? Можно ли ему доверять на самом деле? Прав ли Обама в сделке с Ираном?». Заодно это ответ на американский шантаж по поставкам оружия на Украину.

Неизбежно возникает и новый риск для России: ухудшение отношений с Израилем. В качестве примера приведем тот факт, что израильские руководители не приехали на Парад Победы 9 мая 2015 г. в Москве (официальное объяснение — субботний шабат). На самом деле ссора с Россией для Израиля не особо выгодна, тем более в условиях ухудшения отношений еврейского государства с Вашингтоном. И для Москвы здесь нет ничего хорошего, особенно если учесть нежелание Израиля присоединиться не то что к санкциям, но даже к символическому осуждению Москвы на уровне Генеральной ассамблеи ООН.

Зато у Москвы возникает шанс спровоцировать военный упреждающий удар Израиля по ИРИ, пока С-300 не будут развернуты и еще не смогут защитить атомные объекты. Не факт, что российские руководители рассчитывают на реализацию именно данного сценария, но сама его возможность наверняка держится в уме.

Б. Нетаньяху неоднократно заявлял, что бомба у Ирана будет уже в 2016 г. Некоторые подвергают этот тезис сомнению, но здесь главное не конкретные сроки (год, два или три года), а безальтернативный вектор. Существует сценарий, при котором Израиль решится на односторонний военный удар по атомной инфраструктуре Ирана. Многие вспоминают военную операцию, проведенную ВВС Израиля для уничтожения ядерного реактора «Осирак» французского производства на территории Ирака в июне 1981 г. Аналогично несколько лет назад Израиль разбомбил предположительно атомный объект на территории Сирии. Но Иран — противник совсем иного масштаба,

² Подробнее о тенденциях в газовой добыче Ирана см.: Гривач А. Персидский шах России? // <http://www.pro-gas.ru/ecolog/news/136.htm> (дата обращения: 21.01.2016).

так что решиться на открытый военный конфликт с ним Израиллю будет сложно, хотя это и не исключено.

Развить свою контригру Москва на иранском направлении может и за счет форсирования принятия Ирана (а заодно и Индии с Пакистаном) в ШОС. Эта организация во главе с Пекином как «главной столицей» имеет серьезный потенциал развития. Для Запада это может быть головной болью на тему «создания прокитайского глобального блока в мире». В этом блоке окажется и Россия (которую «Запад потерял и отдал Китаю»), и Иран, который будет поставлять газ и нефть в Европу, а политически зависеть при этом от Пекина. Насколько надежен будет для Европы такой поставщик при резком росте политических амбиций КНР в ближайшие десятилетия — большой вопрос.

Контригра России может произойти и на йеменском направлении, где Россия фактически выступает мягким адвокатом повстанцев-хуситов, поддерживаемых также Ираном (хотя на материальном уровне эта поддержка пока не так велика, как, скажем, поддержка Ираном шиитской политической и военной группировки «Хезболла» в Ливане). Хуситы показали, что могут без особых проблем выдерживать саудовские авиаудары и даже захватывать при этом новые территории и объекты. Включая и порт в Адене, и СПГ-завод Балхаф, построенный в Йемене Totalc корейскими партнерами. СПГ-инфраструктура находится на побережье Аденского залива в провинции Шабва, где в 2015 г. шли активные бои. Отступление хуситов с некоторых занятых территорий не означает, что они туда не вернуться.

Частью обновленной иранской стратегии России может быть и пресловутая сделка «нефть в обмен на товары», давно анонсированная, но до начала 2016 г. так и не реализованная на полномасштабном уровне. К сделке рядом наблюдателей предъявлялись справедливые претензии, ведь фактически Россия должна будет вывести на нефтяные рынки экспортный

товар своего конкурента. Физические показатели российской нефти отличаются от иранской. Вместе с тем это товар одного рода. Показательно, что модель продажи иранской нефти не определена. Министр энергетики РФ А.В. Новак в 2015 г. говорил только о том, что она не попадет на российский рынок. Но как она будет продаваться — пока не ясно. В новых условиях данная сделка все же может иметь смысл хотя бы как выпад, «троллинг» в адрес и американцев (которые всегда говорили, что они против этого соглашения), и саудитов. Когда в отношении Ирана было введено нефтяное эмбарго Запада, именно Саудовская Аравия в основном замещала иранскую квоту в ОПЕК. Теперь же, после снятия санкций, саудитам придется или ужиматься, сокращая продажи, либо окончательно идти по пути добывания остатков дисциплины в ОПЕК и самого принципа страновых квот. Недовольство саудитов может в итоге выплеснуться и на Запад, и на Иран, и на Россию, что также необходимо учитывать.

В целом выводы об использовании Западом и Россией иранского фактора в своем конфликте друг с другом выглядят не слишком позитивными в отношении России и Запада. Пытаясь запугивать контрагента своими сепаратными сделками с Исламской Республикой, обе стороны буквально накачивают значимость ИРИ, поднимают цену решениям политического и экономического характера, принимаемым в Тегеране. В итоге Иран (кстати, как и Китай) оказываются теми «третьими» игроками, которые больше всего выигрывают от конфликта между Россией и Западом (для которых этот конфликт как раз деструктивен и ведет к взаимному ослаблению позиций). При сохранении имеющихся тенденций наиболее вероятен сценарий развития событий по формуле «Иран — для Европы, Китай — для России», хотя описанная в статье контригра Москвы может внести в этот сценарий неожиданные для Запада повороты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бридж Г. Нефть [Текст]: пер. с англ. Н. Эдельмана; науч. ред. перевода Т. Дробышевская / Г. Бридж, Ф. ЛеБийон. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — 344 с.
2. Сатановский Е.Я. Россия и Ближний Восток. Котел с неприятностями [Текст] / Е.Я. Сатановский. — М.: Эксмо, 2012. — 384 с.
3. Сушенцов А.А. Малые войны США: Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х гг. [Текст] / А.А. Сушенцов. — М.: АспектПресс, 2014. — 272 с.
4. Журкин В.В. Военная политика Евросоюза [Текст] / В.В. Журкин. — М.: Международные отношения: Институт Европы РАН, 2014. — 256 с.

5. Малашенко А.В. Исламская альтернатива и исламистский проект [Текст] / А.В. Малашенко. — М.: Весь мир, 2006. — 221 с.
6. Митчелл Т. Углеродная демократия: Политическая власть в эпоху нефти [Текст]: пер. с англ. Д. Кралечкина / Т. Митчелл. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. — 408 с.

REFERENCES

1. Bridzh G. *Neft'* [Oil]. Moscow, Instituta Gaydara Publ., 2015. 344 p.
2. Satanovskiy E.Ya. *Rossiya i Blizhniy Vostok. Kotel s nepriyatnostyami* [Russia and the Middle East. Boiler with adversity]. Moscow, Eksmo Publ., 2012. 384 p.
3. Sushentsov A.A. *Malyevoyny USA: Politicheskaya strategiya USA v konfliktakh v Afganistane i Irake v 2000–2010-kh gg.* [Small War US political strategy in the US conflicts in Afghanistan and Iraq in 2000–2010-ies.]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2014. 272 p.
4. Zhurkin V.V. *Voennaya politika Evrosoyuza* [The military policy of the European Union]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya: Institut Evropy RAN Publ., 2014. 256 p.
5. Malashenko A.V. *Islamskaya al'ternativa i islamistskiy projekt* [The Islamic Alternative and the Islamist Project]. Moscow, Ves' mir Publ., 2006. 221 p.
6. Mitchell T. *Uglerodnaya demokratiya: Politicheskaya vlast' v epokhu nefii* [Carbon Democracy. Political Power in the Age of Oil]. Moscow, Izdatel'skiy dom «Delo» RANKhiGS Publ., 2014. 408 p.